

князю Федору Юрьевичу: „Дай мне, княже, вести жены твоей красоту“. Благоверный князь Федор Юрьевич Рязанской и посмеяся, и рече царю: „Не полезно бо есть нам христианом тебе нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолеши, то и женами нашими владеши начнеши“. Безбожный царь Батый возярился и огорчился, и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича, а тело его повеле поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побил.

И един от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина горько плачущися, и видя его никим бегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благоверной княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благовернаго князя Федора Юрьевича. Благоверная княгиня Еупраксеа стоаше в превысоком храме своем и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыа смертноносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженаго князя Федора, инех князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакаться, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею. И плакашеса весь град на мног час».²

Так читается эпизод в редакции основной А. Из разночтений, встречающихся в других редакциях, отметим лишь некоторые, представляющие интерес с точки зрения сюжетного развертывания эпизода. В редакции основной Б 1-го и 2-го вида Батый, приняв дары, «охабися воевати Рязанские земли» (стр. 309 и 329). Там же говорится о Батые, что он «начаша рязанских князей потехами тешити» (стр. 309 и 330). В редакции хронографической отсутствует эпизод с Апоницей, а в эпизоде с Евпраксией есть следующее любопытное дополнение: княгиня с сыном стоит «поглядящи ласкаваго и любимаго своего супруга благовернаго князя Феодора Юрьевича— когда придет от нечестиваго царя Батыя. И абие вместо радости услыша таковыа смертноносныя глаголы, яко сожителе ея благоверный князь Феодор Юрьевич любви ради ея, красоты убиен бысть», — и далее говорится о смерти княгини (стр. 352—353). В редакции «Сказания» пространного вида Евпраксия стоит «в превысоком своем тереме» (стр. 371).

Весь эпизод о Федоре и Евпраксии выделяется — даже на фоне других драматических описаний «Повести» — особым драматизмом и эмоциональностью. Но ни драматический характер сюжета, ни эмоциональная напряженность описаний еще не доказывают принадлежности к народной поэзии. Нужен более конкретный сравнительный материал. Между тем исследователи нередко шли от общего восприятия эпизода и, опираясь на эти общие впечатления, уже затем обращались к фактам. В. Ф. Миллер, изложив соответствующее место «Повести», делает вывод: «Едва ли может быть сомнение в том, что трогательный эпизод о смерти Феодора и Евпраксии в изложении книжника основан на народной песне».³

На какие же факты опирается далее Миллер, обосновывая свой взгляд на этот эпизод как на «яркий образчик исторических и эпических пе-

² Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. (Тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 288—289. — Все цитаты в дальнейшем даются по этому изданию.

³ Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, [т. I.] Былины. I—XVI, М., 1897, стр. 316.